

Ду Жо сжимал в руке кухонный нож, его взгляд, устремленный на нее, был тяжелым, а губы плотно сжаты — казалось, он о чем-то напряженно размышлял.

Стоило Шэнь Цзиньчэн почувствовать на себе этот пристальный взгляд человека с ножом, как у нее от страха занемела кожа головы. О какой там дерзости могла идти речь? Она, преодолевая боль в ушибленном месте, попятилась назад и с испугом пролепетала:

— Жо-лан, не делай глупостей. Я не специально.

Ду Жо словно очнулся ото сна, и к нему вернулась былая кротость. Он бросил нож на пол, и тот с резким лязгом ударился о кирпичи. Забыв о своей привычной сдержанности, он поспешно бросился к ней. Отбросив в сторону обломки кроватной рамы, навалившиеся на Шэнь Цзиньчэн, он принялся ощупывать ее, проверяя, нет ли повреждений, и едва не плакал:

— Жена! Ты в порядке? Сильно ушиблась?

Его руки блуждали по ее телу и, наконец, нежно коснулись лица. Видя, что его беспокойство и обожание неподдельны, Шэнь Цзиньчэн наконец выдохнула. Сама виновата — испугалась кухонного ножа и потеряла самообладание. Она пару раз кашлянула, прижала пальцы к виску и попыталась исправить положение:

— Пустяковая царапина. Не стоит волноваться.

Женщины в этом мире по природе своей стойкие, даже прежняя хозяйка этого тела, будучи никчемной, не стала бы рыдать из-за пустяка. Хотя ей и было больно, приходилось делать вид, что ничего не случилось.

Пока она в замешательстве смотрела на груды сломанного дерева, до ее ушей донесся голос Ду Жо:

— Хозяйка, вставай скорее. На полу грязно.

Увидев протянутую руку, Шэнь Цзиньчэн, опираясь на Ду Жо, нетвердой походкой поднялась на ноги. Из-за того, что кровать развалилась, поднялась пыль, скопившаяся на пологе, и Шэнь Цзиньчэн тут же наглоталась пыли. Ду Жо тоже закашлялся, его глаза заслезились.

Глядя на этого хрупкого мужчину, Шэнь Цзиньчэн почувствовала груз ответственности за семью. Она прикрыла рот рукой и спросила:

— В доме есть молоток? Кхм-кхм, я хочу починить кровать.

— Кхм-кхм, есть, — ответил он. — Жена, не надо, я позову плотника.

В лучах солнца пыль в комнате была похожа на планктон в грязной воде, а они сами — на рыбок, вдыхающих эту взвесь полной грудью. Шэнь Цзиньчэн, задержав дыхание, вывела Ду Жо из комнаты:

— Откуда у нас лишние деньги на плотника?

Оглядев задымленную, превращенную в хаос комнату, она вздохнула:

— Пусть пока так постоит. Как пыль осядет, приберемся.

Оценив масштаб предстоящих работ, она повернулась и обнаружила, что худощавый мужчина смотрит на нее с нескрываемым обожанием. Шэнь Цзиньчэн отступила на шаг. Да что с ним такое? Почему он так смотрит? Ду Жо проговорил приторно-сладким голосом:

— Цзинь-нян, ты так добра ко мне.

Что? Опять ты за свое? У него еще голова после побоев не зажила, шишка не спала, а он снова за старое — влюбился до беспамятства. Шэнь Цзиньчэн не решилась его больше подкалывать. Она потеряла ушибленное место и, пошатываясь, прошла в главную комнату, чтобы передохнуть перед работой.

Едва она села, Ду Жо тут же выставил на стол чай и арахис, как будто принимал почетного гостя. Затем он неизвестно откуда достал золотистый апельсин:

— Жена, перекуси, а я схожу к восточным воротам деревни, к плотнику А-Ню. Твое тело слишком ценно, чтобы заниматься такой тяжелой работой, не дай бог поранишься.

Его подбострастный и услужливый тон привел ее в замешательство. Шэнь Цзиньчэн почувствовала вину за сломанную кровать, но Ду Жо вел себя так, будто и не думал ее винить, а наоборот — продолжал баловать. Неужели это и есть то самое чувство, когда ты в роли любимого мужа?

Руководствуясь принципом — сам натворил, сам исправляй — она отказалась:

— Я сама схожу за плотником, а ты оставайся дома. Весь день на ногах, устал небось.

Ду Жо снова посмотрел на нее с таким видом, будто она совершила чудо. Он застенчиво тербил край одежды, не смея поднять глаз:

— Жена, ты так добра ко мне.

К этой фразе Шэнь Цзиньчэн уже начала привыкать. Этот манерный супруг умел находить радость в страдании: даже если прежняя хозяйка была к нему жестока, он сам придумывал ложь о том, что жена его любит, и в итоге сам же в нее верил.

Шэнь Цзиньчэн было крайне неудобно осознавать, что она открыла глаза уже замужней женщиной. В прошлой жизни она была сторонницей безбрачия, не хотела ни за кого нести ответственность и не желала, чтобы кто-то отвечал за нее. А теперь, стоило проснуться, как на ее плечи свалился мужчина, словно обуза. Если она не хотела, чтобы ее заплевали, ей придется связать свою жизнь с Ду Жо и зарабатывать на пропитание. Какая досада.

Допив чай, она собралась выходить. Был полдень, светило солнце. Если она не починит кровать до вечера, спать будет негде. Шэнь Цзиньчэн наказала Ду Жо:

— Смотри за домом. Я скоро вернусь.

Деревня Силу была небольшой, до плотника было меньше километра пути, дорога пролегла мимо храма предков и лавки с мелочевкой. Надев шляпу, Шэнь Цзиньчэн собралась уходить, но Ду Жо удержал ее и, словно совершая подвиг, вложил ей в ладонь серебряную монету:

— Цзинь-нян, если лавка открыта, купи себе что-нибудь, что нравится.

Зная о плачевном состоянии семейного бюджета, она нахмурилась:

— Деньги нужно тратить с умом. Ты все еще думаешь, что ты молодой господин в богатом доме?

Тем не менее, она убрала серебро в карман:

— Я пока сохраняю их.

Семья разорилась так быстро во многом из-за того, что Ду Жо потакал любым прихотям Шэнь Цзиньчэн. Но той транжиры больше нет, теперь хозяйкой в доме стала она, и нужно навести порядок. Услышав это, Ду Жо выгреб из карманов все до последней монетки:

— Жена, не сердись. У меня они только попусту тратятся, лучше отдай всё тебе.

Глядя, как он поспешно сдает всю наличность, она хотела что-то сказать, но не нашла слов и просто забрала деньги. Четыре серебряные монеты — сумма немалая, видимо, он распродал все свои припрятанные на черный день вещи. Жалко его. Буду теперь относиться к нему получше.

Шэнь Цзиньчэн внимательно посмотрела на него: на солнце кожа мужчины казалась белой, как дорогой фарфор, прозрачной и чистой. Она с любопытством коснулась его лица — как при такой тяжелой работе в поле и огороде у него такая кожа? Молодость — это прекрасно.

Почувствовав тепло ее пальцев на своей щеке, Ду Жо слегка вздрогнул и прильнул к ее плечу. Его голос звучал сладко и протяжно:

— Цзинь-нян...

В нос ударил тонкий, горячий аромат. Шэнь Цзиньчэн почувствовала, как нарушают ее личное пространство. Она должна была бы ощутить дискомфорт, но этого не произошло. Мужчина перед ней смотрел на нее с такой робкой осторожностью, словно родник, ждущий, когда из него зачерпнут воды. Сердце Шэнь Цзиньчэн дрогнуло.

Поза была слишком двусмысленной, и она осторожно отстранила Ду Жо. Словно пытаюсь

загладить вину, она мягко сказала:

— Жо-лан, когда я встану на ноги, я куплю тебе одежду получше. Эти деньги я не буду тратить попусту.

У Ду Жо тут же на глазах выступили слезы:

— Цзинь-нян, ты так добра ко мне. Мне достаточно слышать от тебя такие слова.

...Ду Жо провожал Шэнь Цзиньчэн, то и дело оглядываясь. Как только за ней закрылись ворота, кротость и слащавость на его лице исчезли, сменившись полным спокойствием.

Он не спеша вернулся в спальню, оттащил в сторону обломки кровати, выковырял из пола кирпич и вытащил спрятанный внизу шелковый сверток. В нем лежали серебряные монеты, золотые украшения и пачка банковских билетов. Убедившись, что все на месте, Ду Жо довольно улыбнулся и прошептал:

— Едва не попался. Жена, не то чтобы я не хотел тебе давать денег, но я должен думать о будущем нашего дома. Надеюсь, ты не в обиде... — его голос становился все тише.

Затем Ду Жо бережно спрятал сверток в стену кухни, замазав отверстие свежей глиной с соломой. Его движения были быстрыми и отточенными — казалось, он проделывал это сотни раз. Закончив, он засыпал землей тайник под кроватью.

Передохнув, он взял веник и начал мести спальню, словно стараясь замести все следы своего пребывания.

<http://bllate.org/book/20756/2081300>